

***Голоса в голове,
или
Пространство любви***

Белый трехлитровый бидон с ягодой стоит на столе, на подоконнике приютилась плоская тарелочка. В ней тоже виктория: кособокая, не крупная, но спелая и без гнильи. Она съедобная, просто некрасивая. Почему она отложена?

— Баба, а почему ты эти ягоды отложила?

— А-а ка-ак же! Человек деньги плотит, он должен качественный товар взять! А эту косую-кривую мы и сами съедим. Варенье буду варить, да положу ее.

Бабушек с бидончиками милиционеры гоняли. Почему-то нельзя было продавать «кулубнику, выращенную своими руками». Больше двух бидончиков с собой и не брали. Проезд в трамвае был копеечный — не накладно. Другие торговки бабушку уважали, она не без гордости поведала, что, когда меж ними возникает конфликт, «всегда меня зовут». Это заслуженное доверие, настоящий авторитет.

— Хгоря мала, ребенок хочет — пусь ест, — и мне можно не есть противную капусту из супа, тем более — лук. Можно просто выхлебать бульон, выловить картошку, а то и вовсе ограничиться мясом. Выпить

молока и уйти из-за стола. В дедовом доме мать не может требовать беспрекословного подчинения. В любом другом месте — но не здесь.

Здесь не озабочены моим воспитанием, контролем и запретами. Здесь принято радовать любимую «унучечку»... Честно говоря, я не могу припомнить, что мне там было запрещено. Как будто главной задачей было предоставить мне столько свободы, сколько это было возможно в текущей ситуации. Нет, не задача, скорее, это норма, обыденность. Потому что — а как иначе? И зачем — иначе?

Пространство любви было настолько широким, что не возникало стремления проверить на прочность или хотя бы отыскать границы дозволенного. Мой мир был бесконечен, и я сама не была готова заглядывать слишком далеко.

Наверное, это сложно представить.

Однажды мы ходили в гости к друзьям семьи. Там меня спросили, хочу ли посмотреть кроликов. Конечно, я хотела! Я никогда их не видела. Не факт, что вообще знала об их существовании. И мы пошли по темноте, по снегу, по узкой дорожке меж двух высоких сугробов — через двор. В тесной стайке на полках стояли клетки с кроликами. Зверьки были похожи на зайцев с книжных картинок: такие же длинноухие. И они были живые, пушистые, с внимательными глазами. Это было здорово!

И этого оказалось достаточно. Нам подарили серого кролика. Мне подарили. Может, был в том жесте какой-то взрослый умысел: угодить любимой дедовой внучке, чтобы деда потом о чем-то попросить. Эту версию выдвинула уже мать и уже годы спустя. Для трехлетней девочки все выглядело иначе: я не требовала кролика. Не просила. Я даже не успела его пожелать, потому что не пришла сама мысль: «Вот бы у нас тоже были кролики!». Я была вполне счастлива тем, что мне дали на них посмотреть — да так близко, нос к носу!

Последующие дни кролик свободно перемещался по всему нашему дому и грыз мебель, периодически высыпая, будто горстями разбрасывая, коричневые шарики помета. С характерным шуршащим звуком. Я ходила следом с совком и веником — это же был мой кролик.

Не помню, сколько он у нас прожил. Вряд ли долго. Потом его вернули хозяевам. Но погрызть он успел все! Включая красивый кухонный шкаф, который почему-то называли амбаром.

Думаю, если бы я захотела слона или жирафа, меня бы просто спросили:

– А где мы его держать будем? Он у стайку не поместится.

Это правда — там уже были свиньи и корова. Но идею, желание никто бы не отверг, не осудил и не осмеял. Потому что свой жираф — это, конечно, здорово.

Ни одна магнитофонная лента в мире не хранит тех голосов, но цепкая детская память бережет интонации, жесты, улыбки, цвета, запахи, тактильные ощущения — пространство любви, свою истинную родину.

Надо держаться

(почти триллер)

Не та беда, что приходит внезапно, а та, про которую думали: «Авось, обойдется». Не обошлось. Страшная новость пришла маленьким листочком бумаги, обыденно, как будто ничего особенного и не предвещаая.

Понедельник был обозначен. Жильцы ссутулились и потускнели. Разговор с соседом в лифте свелся к короткому:

— Надо держаться.

— А куда мы денемся, — и грустная, обреченная улыбка.

Оба стараемся изображать энтузиазм, сохранять лицо, бодрый тон. Потому что знаем: нельзя, ни в коем случае нельзя допустить паники! Никто не должен раскачивать лодку, это чревато увеличением количества жертв. Участь паникера незавидна — кто ж не знает, все кино смотрели. Так что — «спокойствие, только спокойствие».

В последнее воскресенье все помылись, переоделись в чистое. Кто не успел днем, тот лег в ванну ночью. Некоторые ранние птахи приняли душ утром понедельника. Утро выдалось спокойное, будто обычное.

После обеда поднялся ветер, похолодало, пошел дождь. К вечеру вода в кране стала холодной настолько, что казалось: еще немного — и посыплется кубики льда. С грязной посудой перестали справляться моющие средства и коченеющие руки. Скоро это мерзкое ощущение непромытой тарелки распространится на все тело, и тогда даже дегтярное мыло будет давать лишь кратковременный эффект.

Холод проникает в кости. Первыми страдают ступни, которые больше не могут согреться. Все время хочется есть и спать. Горячее питье выручает, но невозможно пить без перерыва. В голову лезут дурные мысли, страшные сцены, угнетающие психику картины. Они назойливы, они не твои, от них устаешь, но просто так не отмахнешься — на это нужно усилие воли, а ее все меньше...

Надо держаться. Надо держаться, горячую воду отключили всего на две недели.